«прозаически» сюжетные детали, которые позже определяют образный строй отдельных стихотворений.

На заседании 29 мая 2023 года с докладом «К вопросу о литературной стратегии А. Ахматовой 1960-х гг.: текстологическая эссе „Об Александре Блоке“» выступила А. А. Чабан (Москва). По мнению докладчицы, литературная стратегия Ахматовой 1960-х годов не может ограничиваться «беглыми замечаниями» (как определял эссе о Блоке Д. Е. Максимов) и выходит далеко за рамки личной биографии (как ранее полагали В. Н. Топоров и В. М. Жирмунский). В выступлении была предпринята попытка реконструкции работы Ахматовой над текстом эссе, прослежен процесс рождения его уникальной структуры.

25 августа 2023 года вновь выступила О. Е. Рубинчик с докладом «„...Переводила каждый день, с утра до обеда“: Анна Ахматова и ее соавторы за работой над переводами», где был обозначен круг проблем, с которыми неизбежно сталкивается исследователь при изучении и републикации стихотворных переводов Ахматовой. В первую очередь в сообщении речь шла о профессиональной переводческой деятельности Ахматовой в 1950–1960-е годы, когда перевод воспринимался ею как подневольный труд. В поле зрения докладчицы оказалась проблема соавторства, официального и неофициального, и история сотрудничества поэта с А. Г. Найманом, Н. И. Харджиевым, Л. Н. Гумилевым, М. С. Петровых, В. Г. Адмони, Л. А. Озеровым. По утверждению Рубинчик, в случае переводов Ахматовой зачастую неясно, что именно переведено ею, что соавтором, а что коллективно. В томах переводов в ахматовском собрании сочинений 1998–2005 го-

дов этой проблеме было уделено недостаточно внимания, что и привело к существенным недочетам.

Работу Ахматовского семинара в 2023 году завершили выступления Р. Д. Тименчика, которые состоялись 6 октября и 17 ноября. Ученый продолжил развивать высказанную им ранее в статье «О составе и границах научного комментария к поэзии А. А. Ахматовой» (Русская литература. 2021. № 1. С. 60–85) мысль об оптимизации подходов к научному комментарию в связи со спецификой поэтической практики XX века, в том числе и творческого наследия Ахматовой. Речь шла о презентации библиографической справки по всем прижизненным изданиям с учетом книг, не вышедших в свет, наборных рукописей, корректурных оттисков и т. д.; о реконструкции текстологической истории, содержащей интерпретацию семантики правки, как «текстопорождающего порыва»; о периктестовых и эпиктестовых элементах как факторах, влияющих на образную структуру поэтических текстов поэта; о метрике и ритмике стиха как объекте комментирования и, конечно, об именах, интертекстуальных знаках и «тематологическом паспорте лексем».

За два года работы семинара был охвачен большой круг тем, связанных с наследием Ахматовой, введен в научный оборот значительный корпус разнообразных материалов, обозначены облигаторные приемы интерпретации текстов и фактов творческой биографии поэта, но, возможно, главным результатом стало приближение к загадке ахматовского смыслостроительства, возникающего на пересечении авторского замысла и читательской рецепции.

© Г. В. Петрова

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-265-270

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛЕГА ВИКТОРОВИЧА ТВОРОГОВА

11 октября 2023 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась конференция, приуроченная к 95-летию доктора филологических наук, профессора, крупного ученого-медиевиста Олега Викторовича Творогова. В ней приняли участие сотрудники ИРЛИ РАН, Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербургского института истории РАН, Института славяноведения РАН, Института всеобщей истории РАН, Российской государственной библиотеки, а также Сыктывкарского государственного университета.

Вступительное слово произнесла заведующая Отделом древнерусской литературы ИРЛИ РАН С. А. Семячко. Она охарактеризовала Творогова как ученого и педагога, напомнив также

о том, что он несколько лет возглавлял Отдел древнерусской литературы после ухода из жизни Д. С. Лихачева.

Первые доклады были посвящены исследованиям Творогова. А. А. Турилов (Москва) отметил, что число историко-литературных справочников, составленных Твороговым лично (либо тех, в составлении которых он принимал активное участие), не может не вызвать глубокого уважения. Творогов не считал себя теоретиком литературоведения, хотя обладал огромной эрудицией, он сознательно стремился в первую очередь к собиранию и классификации надежных проверенных фактов как основе для написания более точной истории древнерусской литературы. При этом весьма показательно, что Творогов был открыт для критических замечаний,

улучшающих качество справочников, в чем докладчик неоднократно имел возможность лично убедиться, к примеру, при редактировании статей для «Словаря книжников и книжности Древней Руси», которые первоначально публиковались на страницах «Трудов Отдела древнерусской литературы» и издававшегося там же «Каталога памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Рукописные книги)» (2014). Турилов отметил также большую работу ученого над составлением библиографии по древнерусской литературе и редактированию отдельных ее выпусков.

М. В. Рождественская (Санкт-Петербург) охарактеризовала роль Творогова в создании коллективной монографии сотрудников Пушкинского Дома «Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе» (Л., 1970). Выступавшая поделилась воспоминаниями о том, как на филологическом факультете Ленинградского государственного университета весной 1965 года силами сотрудников Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР проводился спецкурс-диспут по проблемам «художественности» литературы Древней Руси. Он вызвал огромный интерес у студентов и преподавателей университета, не только филологов. Именно на этих оживленных заседаниях и выработывались основные темы будущей монографии. Рождественская раскрыла роль Творогова как исследователя литературной формы древнерусских памятников разных эпох: древнейшего летописания, переводного исторического повествования и переводной беллетристики XI–XIII веков, а также исторического повествования XIV–XV веков. Рассуждая о процессе беллетризации средневековой литературы, Творогов подтверждал свои теоретические выводы тщательным анализом известных летописных сюжетов, переводных византийских хроник, фольклорных мотивов, бродячих сюжетов мировой литературы. В монографии «Истоки русской беллетристики» Творогов, уже имея богатый опыт лексикографа и выдающегося текстолога, проявил себя как внимательный и заинтересованный теоретик литературы. Он увидел и раскрыл перед читателем элементы беллетризации средневекового, казалось бы, строго нормативного текста, показав, что литература — это процесс и что средневековый текст — тоже изменяющаяся структура.

В. Г. Вовина (Санкт-Петербург) прочла доклад на тему «О. В. Творогов и Пушкинский Дом его времени в переписке современников». Он основан на корреспонденции Я. С. Лурье и А. А. Зимина, которая включает около 800 писем, хранящихся в Архиве СПбИИ РАН: оригиналы писем Я. С. Лурье и ксерокопии писем А. А. Зимина. Большая часть писем посвящена обсуждению научных вопросов, исследованиям корреспондентов и их коллег, а также откликам на различные события в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома и Институте истории. Так, в одном из писем Лурье

сообщает о планах реорганизации ИРЛИ РАН в 1959 году. Переписка содержит также сведения о некоторых научных заседаниях Отдела древнерусской литературы, в которых участвовал Лурье. Выступавшая отметила, что в письмах Зимина встречаются резкие и не всегда справедливые замечания по адресу своих оппонентов, вызванные критической позицией сотрудников ИРЛИ в отношении его концепции позднего происхождения «Слова о полку Игореве». Имя Творогова, в то время молодого ученого, появляется в письмах в начале 1960-х годов. В частности, сообщается о том, как много он сделал в исследовании хронографов, позднее оформленном в докторскую диссертацию и затем в монографию «Древнерусские хронографы» (1975). Лурье и Зимин высоко оценивали этот труд, а также занятия ученого летописями. Впоследствии, читая для аспирантов курс по летописанию, лекцию о раннем периоде Лурье просил прочесть Творогова как признанного специалиста по летописанию этого периода. Из писем видно, что он навещал Зимина в Москве и до конца жизни последнего сохранял с ним связь.

Доклад Т. В. Гимона (Москва) был посвящен заключительным листам утраченного архетипа Ипатьевской летописи. Дело в том, что в заключительной части этого памятника имеются существенные расхождения между Ипатьевским и Хлебниковским списками в порядке изложения материала. Целые фрагменты текста по-разному расположены относительно друг друга. Некоторые фрагменты присутствуют только в Хлебниковском списке, но при этом порядок изложения в Ипатьевском намного более логичен, тогда как в Хлебниковском он отражает, очевидно, путаницу в архетипе. На эти расхождения уже обращали внимание ученые (А. А. Шахматов, А. Н. Насонов, А. П. Толочко и др.). Однако до сих пор они анализировались главным образом формально: исследователи пытались подсчитать число знаков в переставленных фрагментах, делая предположения о формате архетипа, а также об иллюстрациях в нем. Гимон проанализировал содержание переставленных фрагментов и предпринял попытку реконструировать этапы развития текста в архетипе. Согласно его выводам, после того, как был написан основной текст Ипатьевской летописи, в его заключительную часть были внесены вставки — на вставных бифолиях и отдельных листах. Исследователь представил свой взгляд на замысел автора и логику сделанных вставок.

Дневное заседание конференции открыл А. А. Алексеев (Санкт-Петербург), который прочел доклад на тему «Летописец Еллинский и Римский в литературном контексте эпохи». Создатель второй редакции «Летописца Еллинского и Римского» Иван (Ивашко) Черный составил также подборку ветхозаветных текстов, которая сохранилась в рукописи РГБ. Ф. 310. Собр. В. М. Ундольского. № 1. Написанный в ту же эпоху в Вильне библейский кодекс Матфея Десятого отражает использование «Лето-

писца» и в сочетании с рукописью из собрания Ундольского № 1 покрывает полный библейский канон. Этот кодекс выглядит как альтернатива Геннадиевской Библии, работа над которой шла в это же время в Новгороде. Именно этим, вероятно, вызваны гонения новгородского владыки Геннадия на Ивана Черного. Геннадиевская Библия возникла под прямым влиянием европейских печатных изданий латинской Библии, тогда как Библия Ивана Черного — Матфея Десятого должна рассматриваться в ряду гуманистических изданий XV–XVI веков, основанных на широкой рукописной базе.

Н. И. Милютенко (Санкт-Петербург) поставила в своем докладе вопрос: «„Летописец Еллинский и Римский“ и „Летописец Русский“ — заглавие или определение содержания?» В летописных сводах, начиная с первой подборки Новгородской Карамзинской летописи, соединению «Повести временных лет» с Новгородской I летописью, наряду с их собственными названиями, предпослано общее: «Летописец Руския земли». Оно же оказывается общим заглавием для Софийской I и Новгородской IV летописей, восходящих к Новгородской Карамзинской летописи. В Софийской I представлен общерусский митрополичий свод Фотия. Все прочие летописи XV века использовали ее в той или иной степени, включая Вологодско-Пермскую летопись. В 1460-е годы, как определил А. Н. Насонов, появился новый вариант этого текста, доведенный до 1418 года, который Я. С. Лурье назвал «Особой обработкой общерусского свода». Насонов указал две его редакции: Пространную — в великокняжеском Московском своде конца XV века, доведенном до 1479 года, и Краткую — в Ермолинской летописи. В «Особой обработке...» были использованы другие способы соединения летописных текстов и дополнительные источники по сравнению с митрополичьим сводом Фотия, а также дано новое название — «Летописец русский». Все списки Пространной редакции утеряли первые листы, в связи с чем заглавие в них отсутствует. Ермолинская летопись является уникальным памятником, доведенным до 1481 года, что и отразилось в ее заглавии: «Летописец русский весь от начала и до конца». Все летописи, использовавшие Краткую редакцию «Особой обработки...», сохраняли и ее название — «Летописец русский», тем самым демонстрируя общерусский характер памятника. В начале XV века, как показал Творогов, был составлен Хронограф, излагавший историю от Сотворения мира до воцарения императора Мануила (1393). Он получил название «Летописец Еллинский и Римский», где «Римский» соответствовало византийскому «Ромейский». Таким образом, — сделала вывод Милютенко, — в двух названиях исторические компеидумы четко определялись по содержанию: сочинение по всемирной истории («Летописец Еллинский и Римский») и по своей собственной («Летописец Русский»).

Доклад Т. В. Анисимовой (Москва) был посвящен отражению славянского перевода «Кни-

ги Иакова Жидовина» в пророческой компиляции Тихонравовского хронографа. Архетип последней, как было доказано исследовательницей ранее, послужил источником Пророчеств «Речи философа» из «Повести временных лет». В хронографических «пророчествах» было выявлено 48 прямых заимствований из византийского памятника и 43 замены на канонические эквиваленты; остальные 78 «пророчеств» были самостоятельно извлечены автором компиляции из Книги 16 толковых пророков и Псалтыри. Сопоставление композиции этого хронографического сочинения и двух сохранившихся в нем киноварных рубрик с «Книгой Иакова Жидовина» привело Анисимовой к выводу об аналогичной богословской направленности древнерусского памятника. Его автор, обладавший профессиональными навыками в области библеистики и сравнительной текстологии, мог располагать материалами некоего книгописного центра XI века, занимавшегося переводческой деятельностью.

А. Г. Бобров (Санкт-Петербург) прочел доклад «Стефан Бородатый и русское летописание». Великокняжеский дьяк Стефан Никифорович Бородатый многократно упоминается в актовых материалах, в летописях, в записях на белокаменном надгробии и на листах рукописей 1440–1470-х годов. Вплоть до смерти Василия Темного в 1462 году он являлся исполнителем поручений великого князя, иногда весьма деликатного свойства. После вокняжения Ивана III дьяк Стефан перешел на службу к его матери Марии Ярославне, которую оставил лишь однажды, когда вновь был призван к государевым делам для участия в походе 1471 года на Новгород в связи со знанием им «измѣн давныхъ» (нарушений новгородцами договорных обязательств). В одной из московских повестей об этом походе, «Словесах избранных», встречается десять упоминаний новгородской измены, причем в трех случаях речь идет именно о давних изменах. Автор «Словес избранных» был сторонником той же концепции, что и дьяк Стефан Бородатый. Поэтому особое значение приобретает промосковская правка в пергаменном Синодальном списке Новгородской I летописи — написанные по выскобленному тексту слова «за новгородскую измену» (первоначально вместо них читалось выражение с противоположным смыслом). В этой правке исследователи склонны видеть проявление московской цензуры и целенаправленную палеографическую мистификацию древнерусского книжника. «Промосковские» книжники могли иметь свободный доступ к рукописи, хранившейся в Юрьевом монастыре, только в 1447–1456 годах, когда здесь велось совместное «княжеско-владычное» летописание (отразившееся в Летописи Авраамки за эти годы). В начале 1450-х сюда приехал Стефан Бородатый. Видимо, он и исправил летописный текст. Специализация Стефана Бородатого на прежних новгородских изменах, многократные их упоминания в «Словесах избранных» и правка в Синодальном списке — это

звенья одной цепи, приметы одного авторства. Перу этого книжника принадлежат и описанные в «Словесах избранных» фантастические планы Марфы Борецкой выйти замуж за литовского пана, чтобы править Новгородской землей, и позаимствованный из Повести о битве на Липице мотив документов, якобы найденных на поле битвы, и сопоставление Новгорода с Иерусалимом. Видимо, Стефан Бородач был одним из первых книжников, включивших в летописное повествование заведомый вымысел, поставивших описание выдуманных событий на службу московской государственной пропаганде.

Л. В. Соколова (Санкт-Петербург) в своем выступлении поставила вопрос: «Что, по сообщению автора „Задонщины“, написал Софоний Рязанец?» Дело в том, что редакции «Задонщины» по-разному упоминают это имя. В двух полных списках Пространной редакции (РГБ. Собр. Ундольского. № 632; ГИМ. Музейское собр. № 2060) Софоний назван в самом тексте как предшественник автора «Задонщины», которого он вспоминает подобно тому, как автор «Слова о полку Игореве» вспоминал Бояна. В Краткой редакции (список РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 9/1086) имени Софония в самом тексте нет, а в заглавии он назван автором «Задонщины». В списке ГИМ. Синодальное собр. № 790, представляющем переработку Сводной редакции, имя Софония читается и в заглавии, и в самом тексте. Р. П. Дмитриева в свое время убедительно показала, что первоначальным является чтение Пространной редакции. При этом она подчеркнула, что автор «Задонщины» ссылается на Софония как на поэта или певца своего времени, творчеству которого он склонен был подражать. Основанием для этого стало предложенное ею прочтение фрагмента о Софонии в Пространной редакции с иной разбивкой фразы на синтагмы. Испорченный во всех списках фрагмент о Софонии в реконструкции можно представить следующим образом: «Аз же помяну Софония резанца и восхваляю пѣсми гусленными, буиными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича...». Слово «сего» в этой конструкции можно отнести как к предшествующей, так и к последующей синтагме. Если ранее «сего» относили к Дмитрию Ивановичу то Дмитриева предложила относить его к Софонию, поскольку именно он, а не Дмитрий Иванович упомянут перед этим. Отвечая на вопрос, что же написал Софоний, которому автор «Задонщины» собирался подражать, исследовательница указала на «Слово о Мамаевом побоище», существование которого (как источника «Задонщины» и «Сказания») предполагал А. А. Шахматов. Докладчица выдвинула новую гипотезу. Она обратила внимание на то, что автор «Задонщины» заявляет о намерении написать свое произведение «буиными словесы» Софония Рязанца и пишет его — словами «Слова о полку Игореве»! Вывод, по мнению Соколовой, очевиден: автор «Задонщины» считает Софония создателем «Слова о полку Игореве».

На вечернем заседании первым прозвучал доклад И. М. Грицевской (Сыктывкар), посвященный новоявленному списку Вопросоответов Псевдо-Афанасия Александрийского к князю Антиоху. Он включен в сербскую рукопись конца XIV века из Зографского монастыря (№ 206), основной частью которой является Лествица Иоанна Синайского сербского перевода. Текст Вопросоответов здесь относится к древнейшей версии памятника, фрагментарно вошедшей в Изборник 1073 года, а в полном виде известной до сих пор в единственном списке, представленном в Лаврентьевском сборнике 1348 года. Внимание исследовательницы привлекли факты, обнаруженные при анализе текста зографской рукописи, в частности, особенности языка этого списка.

Доклад А. Е. Косицкой (Санкт-Петербург) «Вопросы текстологии минейной гимнографии» был посвящен выявлению и систематизации основных научных проблем, с которыми сталкиваются текстологи-гимнологи. После краткого экскурса в историю вопроса исследовательница описала специфику минейной гимнографии как литературного жанра, осложняющую применение стандартных текстологических методов, разработанных для повествовательных текстов. В ряду проблемных вопросов прежде всего отмечены связь минейных песнопений с церковным уставом, их поэтическая природа, синкретизм и высокая вариативность, приводящие к относительности основных текстологических понятий — текст, произведение, редакция. Также была поставлена задача поиска продуктивных методов исследования, в том числе специальных текстологических приемов, для изучения текстов минейного круга на церковнославянском языке — этого малоизученного рода книжности, которые позволяют вписать его в историю русской литературы.

В докладе Т. Н. Галашевой (Санкт-Петербург) «Сюжет о разорении Торжка тверским князем Михаилом в Житии Ефрема Новоторжского» спорный вопрос историографии был рассмотрен с точки зрения истории текста Жития. Возникновение версии о разорении Торжка тверским князем Михаилом Ярославичем восходит к статье И. У. Будовница, в которой был опубликован фрагмент Жития Ефрема Новоторжского, названный «Повестью о разорении Торжка в 1315 г.». Г. С. Гадалова, сопоставившая текст этого фрагмента Жития с летописями, доказала, что в Житии Ефрема Новоторжского описано разорение Торжка в 1372 году князем Михаилом Александровичем Тверским. Галашева показала, как складывался противоречивый сюжет о нападении князя Михаила, отчетство которого не названо ни в одном из списков Жития. В архетипе Краткой редакции, составленной архимандритом Мисаилом в 1580-е годы, действительно было описано разорение Торжка Михаилом Александровичем Тверским 31 мая 1372 года (без упоминания даты в тексте), причем жестокие подробности об обнажении и убиении «черноризиц и девиц» были за-

имствованы из летописи, сохранившей новгородский взгляд на эти события (Новгородская I летопись, Симеоновская, Воскресенская и др.), тогда как в протверских летописях эти подробности были опущены (см. Рогожский летописец, Тверской сборник, Никоновская летопись и др.). Почитанию Михаила Ярославича в Торжке ничто не мешало: так, он поминается в Синодике 1638 года (ГИМ. Собр. П. И. Щукина. № 726).

А. Б. Белова (Санкт-Петербург) представила доклад «Проблемы описания сборников со статьями по технологии книжного дела». Она охарактеризовала статьи на эту тему, содержащиеся в различных сборниках, но не составляющие особого кодекса. В статьях встречаются рецепты чернил и киновари; рецепты золота, серебра и их заменителей (учитываются те случаи, когда они предназначены для работы с бумагой); рецепты иных красителей для письма по бумаге (ярь-медянка, например); советы о работе с материалами и инструментами письма (подготовка пера к письму, выбор лучших чернильных орешков, исправление описок в тексте); информация, касающаяся переплета, и т. п. Выступавшая охарактеризовала также названия статей, различающиеся в разных сборниках, и продемонстрировала таблицу, в которой наглядно показано, в каких сборниках какие статьи читаются.

А. Е. Косицкая и Г. В. Маркелов (Санкт-Петербург) выступили с сообщением «Стихотворные экспромты О. В. Творогова». Косицкая в 2005 году при участии самого ученого собрала небольшой стихотворный архив своего научного руководителя, дополненный авторскими комментариями. Поэтический талант Творогова не был широко известен научному сообществу. Между тем шутливые стихи-экспромты (сам автор называл их «стишатами») писались им по разным случаям — на научных докладах, защитах диссертаций, заседаниях, юбилеях. Многие из них были посвящены научным сюжетам и свидетельствуют об остром уме, способности не только вникнуть в суть сложной научной проблемы, оценить качество исследования, но и лаконично, доброжелательно и метко облечь свое мнение в стихотворную форму. В сообщении прозвучали как ироничные зарисовки зрелого ученого, так и лирические стихи, написанные им в ранней юности. Полны юношеского задора и шутливые стихи-буриме, прочитанные на заседании Маркеловым, соавтором Творогова. Они были написаны во время научного заседания в рамках Выездных чтений Отдела древнерусской литературы в Псков в 1972 году. Все прозвучавшие стихи не только доказывают лирический талант известного ученого, но и по-новому раскрывают его филологический дар. Сообщение о поэтических произведениях юбиляра вызвало у слушателей живой отклик.

Н. Д. Кочеткова (Санкт-Петербург), коллега Творогова, выступила с воспоминаниями о нем. Она отметила, что вся научная и общественно-научная деятельность исследователя была свя-

зана не только с Отделом древнерусской литературы, но имела большое значение для жизни Пушкинского Дома в целом. Юность ученого пришлось на трудные годы Великой Отечественной войны и тоже нелегкие первые послевоенные годы. С тех пор на всю свою жизнь он сохранил чувство ответственности за свою страну, за российскую науку, за Пушкинский Дом. Вступив в Коммунистическую партию не для того, чтобы успешно делать карьеру, а по глубокому искреннему убеждению, он неизменно стремился принести больше пользы своему любимому делу и людям. Когда его выбрали секретарем партийной организации, он никогда не злоупотреблял вверенными ему полномочиями. Принципиальный и строгий прежде всего к самому себе, Творогов требовал и от других добросовестного отношения к работе, своевременного выполнения плана, но никогда не превращался в гонителя. Более того, он всегда вставал на защиту тех, кто подвергался разного рода несправедливым идеологическим нападкам, которые еще встречались в конце 1970-х — начале 1980-х годов. В 1987 году Н. Н. Скатов, став директором Пушкинского Дома, предложил Творогову пост заместителя директора. Нелегкую административную работу он неизменно успешно сочетал с научной деятельностью в Отделе древнерусской литературы. При этом он всегда стремился глубоко вникать в научную проблематику других подразделений Института. Так, с большой заинтересованностью он отнесся к работе Сектора (ныне Отдела) по изучению русской литературы XVIII века при подготовке «Словаря русских писателей XVIII века», всячески поддерживал этот замысел.

Своими воспоминаниями о Творогове поделилась и М. В. Рождественская. Она посоветовала тем, кто еще не читал его «Воспоминания», опубликованные на сайте Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, обязательно познакомиться с ними. Они дают хорошее представление о его жизненном пути, о том, какие трудности ему пришлось пережить, о его пути в науку. Особо выделила выступавшая одну черту Творогова — поразительную скромность и строгое соблюдение научной этики. При значимости его роли в науке он не придавал себе важного значения, но напротив, всегда вспоминал и отмечал в своих работах достижения и заслуги предшественников. К сожалению, — отметила Рождественская, — сейчас это далеко не всегда и не всеми делается, особенно в среде молодых исследователей. Еще одна характерная особенность Творогова — его ответственное отношение к работе с учениками. Он был заинтересован в том, чтобы тема, которую он вел, была завершена защитой диссертации. Поэтому постоянно был в курсе дел своих аспирантов и, если возникали трудности, помогал их преодолеть.

Подвел итоги конференции А. В. Пигин (Санкт-Петербург), председательствовавший на заключительном заседании. Он отметил, что прозвучавшие на конференции доклады

затронули многие темы, которыми занимался Творогов, но далеко не все. В частности, ученый много сделал для развенчания «Велесовой книги». Он подробно написал о ней в 43-м томе «Трудов Отдела древнерусской литературы» (где поместил и публикацию «дошечек»), а также в сборнике статей, так и названном — «Что думают ученые о „Велесовой книге“», для которого подготовил три статьи. Научный метод Творогова Пигин охарактеризовал термином, взятым из «Поэтики» Д. С. Лихачева: «панорамное зрение». Дело в том, что Творогов исследовал объемные тексты, стремясь к широте, к панорамности охвата древнерусской книжности. Кроме того, он собрал сведения о рукописных собраниях разных городов, описал их, думая о тех медиэвистах, кто будет в дальнейшем заниматься разысканием списков «своих» произведений, избранных предметом исследования. Самой же цитируемой работой Творогова является, как выяснил Пигин, каталог переводных житий, составленный им в результате большой работы над рукописными собраниями (*Творогов О. В. Переводные жития в русской книжности XI–XV веков: каталог. М.; СПб.,*

2008). В заключение выступавший процитировал слова ученика Творогова — Е. Г. Водолазкина — на прощании с ученым: «Олег Викторович служил науке не просто как рыцарь, а как паладин». Действительно, — подтвердил Пигин, — Олег Викторович служил науке не как вассал своему сюзерену, не как чиновник государству, а как монах Богородице. Он был тружеником, его служение науке было сродни религиозному служению, как справедливо написал об этом Д. М. Буланин в очерке об ученом. «Вспоминаю я его чаще, — сказал Пигин, — не в Пушкинском Доме, а в Рукописном отделе Публички, представляю его склонившимся над рукописью, больше пишущим, чем говорящим».

Доклады, прозвучавшие на конференции, представили не только основные направления деятельности крупного ученого-медиэвиста, педагога, но и охарактеризовали его как талантливую, остроумного человека. Некоторые материалы конференции будут опубликованы в 71-м томе «Трудов Отдела древнерусской литературы».

© Л. В. Соколова

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-270-272

У МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ: ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ»

28–30 ноября 2023 года в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН) прошла V Международная научная конференция «Алексей Толстой: личность в контексте эпохи», приуроченная к 140-летию писателя. Ее организаторами стали ИМЛИ РАН и Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля (ГМИРЛИ). В работе форума, который проходил в смешанном формате, приняли участие исследователи из различных городов России, а также Израйля, Чехии, Сербии. Всего было заслушано 58 докладов.

С приветственными словами к участникам и гостям конференции обратились директор ИМЛИ РАН В. В. Полонский, директор ГМИРЛИ Д. П. Бак, ректор Литературного института имени А. М. Горького А. Н. Варламов, научный руководитель Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН Н. В. Корниенко и писатель Т. Н. Толстая. Все они говорили о роли наследия А. Н. Толстого в истории русской литературы XX века и значении творчества писателя.

Конференция открылась выступлением Н. В. Корниенко (Москва) «Русская литература в дни Сталинградской битвы», в котором она обратилась к военной публицистике Толстого конца 1942 — начала 1943 года и его докладу «Четверть века советской литературы»

на юбилейной сессии Академии наук СССР 18 ноября 1942 года, а также подчеркнула важность общественной позиции писателя военных лет.

Е. Д. Толстая (Израиль) представила свою новую монографию «Алексей Толстой в урагане времени» (Берлин, 2022), посвященную сюжетам жизни и творчества писателя 1910–1920-х годов и его малоизвестным, в том числе неопубликованным и сохранившимся в архиве текстам (рассказам «Слякоть» и «Письмо за красной печатью», пьесе «День Ряполовского»).

В докладе «Полное собрание сочинений А. Н. Толстого: итоги и перспективы» Г. Н. Воронцова (Москва) подробно рассказала о работе группы над научным комментарием к двум центральным произведениям в творчестве писателя — роману «Петр Первый» и трилогии «Хождение по мукам» — и связанных с этим текстологических проблемах.

А. Н. Варламов (Москва) в выступлении «О чем умолчал Бунин? Что не так в „Третьем Толстом“» внес существенные дополнения в комментарий к очерку И. А. Бунина «Третий Толстой», остановившись на общественной позиции Толстого, которую обошел своим вниманием Бунин.

В докладе Т. Н. Толстой (Москва) «Всеволод Гаршин и Анастасия Крандиевская (посмерт-

Галина Валентиновна Петрова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Galina Valentinovna Petrova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-4956-2293

pgv6@yandex.ru

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
АХМАТОВСКИЙ СЕМИНАР В 2022–2023 ГОДАХ**

**INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICE
AKHMATOVA SEMINAR IN 2022–2023**

[Meeting Abstract]

Лидия Викторовна Соколова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Lidiia Viktorovna Sokolova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Science

ORCID: 0000-0003-2220-0049

liiso@mail.ru

**НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 95-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛЕГА ВИКТОРОВИЧА ТВОРОГОВА**

**95TH ANNIVERSARY OF OLEG VIKTOROVICH TVOROGOV
RESEARCH CONFERENCE**

[Meeting Abstract]